

Ж. Шаланки, Н. В. Кондратьева

МОРФОСИНТАКСИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В УСЛОВИЯХ УДМУРТСКО-РУССКОГО БИЛИНГВИЗМА

В статье поднимаются вопросы морфосинтаксической интерференции в условиях удмуртско-русского двуязычия, представляющего собой результат взаимодействия структур и структурных элементов двух языков в процессе длительного исторического контактирования. С одной стороны, явление интерференции способствует расширению коммуникативных функций современного удмуртского языка, с другой – ведет к сужению дистрибутивной нагрузки отдельных языковых явлений, причем степень проницаемости разных уровней языка при их взаимодействии и взаимовлиянии не одинакова. Как и в случае с другими языками, с точки зрения интерференции, наиболее проницаемым является лексический уровень, наименее проницаемый – грамматический (морфологический и синтаксический).

Отдельное внимание в статье уделяется проблемам грамматического освоения заимствованных именных и глагольных основ, нулевой трансморфологизации в речи носителей современного удмуртского языка. С точки зрения синтаксической интерференции, выделяются три типа синтаксических преобразований: а) минус-сегментация, т.е. уменьшение числа элементов в языке-реципиенте под влиянием соответствующих моделей языка-донора; б) плюс-сегментация, т.е. увеличение элементов в языке-реципиенте под влиянием дистрибутивных правил языка-донора; в) репласация, т.е. перестановка элементов модели языка-реципиента под влиянием правил языка-донора.

Ключевые слова: удмуртский язык, удмуртско-русское двуязычие, языковая интерференция, грамматическое освоение, кумулятивное отрицание, нулевая трансморфологизация, репласация, плюс-сегментация, минус-сегментация.

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-3-380-389

В любом полиэтничном регионе взаимные контакты разноязычных народов представляют собой естественное явление. Контактное взаимодействие удмуртского и русского народов также имеет свою долгую историю. «Согласно археологическим данным, уже с XII в. наблюдается инфильтрация небольших коллективов древнерусских поселенцев в районы обитания финно-пермских племен, которая, впрочем, не оставила сколько-нибудь заметного следа в истории южных удмуртов, но оказала весьма ощутимое влияние на северных» [Макаров 1996, 101]. Однако начало непосредственных производственных контактов удмуртов и русских принято относить к XVI веку [Шкляев 1998, 5; Кельмаков 2000: 39–40]. За более чем пятивековую совместную историю развития указанных народов русский язык оказал существенное влияние на функционирование всех языковых уровней удмуртского языка. С одной стороны, данный процесс способствовал и способствует расширению коммуникативных функций современного удмуртского языка, с другой – ведет к сужению дистрибутивной нагрузки отдельных языковых явлений, причем степень проницаемости разных уровней языка при их взаимодействии и взаимовлиянии не одинакова. Как и в случае с другими языками (см. об этом: [ФУЯ 2012; MNH 2016, 165; Salánki, Kondratieva 2018, 172–173]), наиболее проницаем лексический уровень, наименее проницаем – грамматический (морфологический и синтаксический).

При исследовании явлений интерференции в научной литературе представлено четыре подхода, связанных: а) с развитием контактологии; б) с позиций изучения английского языка в глобальном мире («mailmanenglantien tutkimus»); в) с вопросами овладения вторым языком; г) с развитием переводоведения как науки (см. об этом подробнее: [Paulasto, Kolehmainen 2014, 411–425]). В данной статье, опираясь на труды многих ученых в области языковых контактов и билингвологии (в частности: [Виноградов 1990, Трегубова 2009, Kovács 2001] и др.), явление интерференции мы будем понимать в широком смысле как взаимодействие языковых систем в процессе непосредственного контакта двух (или нескольких) языков, результатом которого становится проникновение элементов (норм) одного

языка в другой. Явление интерференции может проявляться как на уровне речи (отклонения от норм родного языка под влиянием языка-донора на различных уровнях – фонетическом, лексическом, семантическом, грамматическом и др.), так и на уровне языка (процесс заимствования). Последнее напрямую связано также с проблемой переключения кодов. Важную роль в разграничении указанных явлений играет такой критерий, как степень фонологического и морфологического освоения (см. об этом подробнее: [Borbély 2014, 61]). Необходимо заметить, что заимствование или освоение языковых элементов из языка-донора в языке-реципиенте факультативно и всегда имеет конкретную прагматическую функцию: «The insertion or alternation of guest-language elements in the base (or matrix) language of the clause is optional and always has a distinct pragmatic funktion (in case of insertions, usually translations; in case of alternations, usually citations in reported speech)» [Janurik 2015, 206].

Основная цель данной статьи – выявление ключевых тенденций морфосинтаксической интерференции в условиях удмуртско-русского двуязычия, «при которой в коммуникативном акте используется морфосинтаксический материал из обоих языков, но лексические единицы принадлежат только одному языку» [Балакина, Соснин 2015, 9]. Источниковой базой послужили материалы, собранные в мае 2018 года удмуртским ученым Л. Е. Кирилловой и венгерским исследователем Ж. Шаланки во время полевых экспедиций в дд. Якшур, Пирогово, Старая Венья и Мартьяны Завьяловского района Удмуртской Республики. Респондентами стали жители указанных деревень старше 40 лет. Выбор целевой группы продиктован тем, что речь носителей удмуртского языка более молодого поколения имеет ярко выраженные отличия с точки зрения морфосинтаксической интерференции; в частности, это наблюдается в управлении глаголов, при выражении категории посессивности, в виде прямых отклонений от нормы целого ряда синтаксических конструкций и др. Указанные лингвистические особенности должны стать предметом специальных научных исследований.

1. Морфологическая интерференция

Традиционно в научной литературе под морфологической интерференцией понимаются наблюдаемые в речи отклонения от нормы, связанные с нарушением категориальных признаков частей речи и возникающие под влиянием соответствующих категорий интерферирующего языка. Отклонения от нормы могут быть и формальные (ошибки в спряжении, например), и функциональные (неадекватное употребление грамматических форм). В зависимости от особенностей взаимодействия формы и функций морфем языка-реципиента и языка-донора выделяются модификационная и комбинаторная интерференции. В данной статье отдельное внимание уделяется последним, а именно: вопросам грамматического освоения различных частей речи в системе современного удмуртского языка.

1.1. Грамматическое освоение заимствованных слов

В грамматическом отношении удмуртский и русский языки относятся к разным типам в традиционной структурной (морфологической) классификации языков мира: удмуртский язык – агглютинативный, русский – флективный. Но в обоих языках признаки того или иного типа проявляются в первую очередь в словоизменении имени и глагола, как основных частей речи в любом языке, лежащих в основе универсальной базовой двучленной структуры предложения. Рассмотрим способы освоения лексических единиц с заимствованной основой в речи носителей современного удмуртского языка.

1.1.1. Грамматическое освоение глаголов с заимствованной основой

Глаголы как смыслоформирующий элемент предложения, в отличие от служебных частей речи, не могут быть использованы в речи, тем более не могут закрепиться в системе языка, если их форма не подчинена грамматическим законам языка. В связи с этим при функционировании вербальных единиц, заимствованных из русского языка (или через него), для речи носителей удмуртского языка характерна дистрибуция предикативной части в следующих формах:

– согласно нормативным изданиям, глаголы с заимствованной основой следует адаптировать в литературном языке посредством аналитических форм «заимствованный глагол в начальной форме + спрягаемый глагол *карыны*», «заимствованный глагол в начальной форме + спрягаемый глагол *луыны*»;

– однако, как показали результаты полевых исследований, вышеуказанные случаи в речи носителей современного языка представлены единично. Вместо этого характерно оформление заимствованного глагола с помощью словообразовательного суффикса *-т(ы)* в случае невозвратной формы в удмуртском языке, *-чк(ы)* – в случае возвратной формы глагола, и далее – использование тех же словоизменительных показателей, характерных для глаголов удмуртского языка (см. об этом также: [Kozmács 2013, 486; Salánki 2015, 259]): *и толон-вал'л'ан кыкнамэс сн'имат'тизы ай, мон шуко чош*

сн'имачкэммы ой вал. 'А вчера-позавчера нас обеих запечатлели (букв. сняли) на фотографию, я говорю, раньше мы вместе не фотографировались'; *тан' пийэ афган'истанын служит'тиз но.* 'Вот мой сын служил в Афганистане'; *ал'и татын прописачкэмын.* *ну ал'и но ужас'ко, пэнс'ийэ потса.* 'Сейчас я здесь прописался. Но и сейчас, выйдя на пенсию, я еще работаю'.

Важно заметить, что после освоения заимствованная вербальная единица может приобретать те же категориальные признаки, что и исконные удмуртские глаголы, а также употребляться в форме причастий и деепричастий: *мынам тин' та апайэ (...)* *ну подвод'ит'тылко* (сращение суффикса многократного вида *-л(ы)* и суффикса настоящего времени 1-го лица единственного числа *-исько*) *мон сойэ. мынам кылы кузгэс, а со вэрас'кис'тэмгэс.* 'Это моя старшая сестра (...) Бывает, я часто ее подвожу. Я не могу держать язык за зубами, а она немногословна'; *укс'о кулэ. строичконо* (причастие). 'Деньги нужны. Нужно строиться'.

Таким образом, в основе освоения заимствованных из русского языка (или через него) глаголов лежит образование спрягаемой основы глагола посредством производного суффикса *-т(ы)* (в случае невозвратных форм глагола) и специфического маркера *-чк(ы)* (в случае возвратных форм глагола). При освоении вербальных единиц посредством аналитических форм спрягаемой формой является лишь удмуртский компонент конструкции (*служить карисько, служит кариськод, служить каре* и т.д.). Приобретая посредством аффиксальной трансморфологизации производящую основу, заимствованные глагольные формы начинают выражать присущие глаголу грамматические категории времени, залога, наклонения и др., актуализируя характер протекания действия во времени, отношение действия к субъекту и объекту, соотношение с моментом речи; показывают действие или состояние как процесс реальный, предполагаемый, желаемый, т.е. в соотношении с действительностью.

1.1.2. Грамматическое освоение имен прилагательных с заимствованной основой

Основные грамматические категории именных частей речи в русском языке – это род, число и падеж. В удмуртском языке, как и в других финно-угорских языках, категория рода не представлена как грамматическая (см. об этом: [Каракулова, Каракулов 2001, 97]). Данное явление находит отражение и в функционировании адъективных форм, заимствованных из русского языка в речи носителей удмуртского языка. Так, согласно нормам литературного удмуртского языка, закрепленным в правилах, адъективные заимствования из русского языка, не имеющие аналога в структуре удмуртского, чаще всего адаптируются формами на *-ой, -ей*: рус. *классическая музыка* > удм. *классической крезьгур* (см. об этом: [УКШГК 2002, 27]).

Между тем, как показывает анализ речи носителей удмуртского языка, для спонтанной речи характерен также выбор заимствованных из русского языка имен прилагательных, местоимений, порядковых числительных и причастий (как определений или именных частей составных сказуемых) в форме мужского рода. По-видимому, это можно объяснить тем, что для грамматической структуры удмуртского языка, в котором широко распространено примыкание как синтаксическая связь, говорящий во многих случаях выбирает словарную форму прилагательного / причастия / порядкового числительного – словоформу мужского рода: *тин'и со самой запомина йуций дыййос, пинал дыййос.* 'Это самые запоминающиеся (прич. – в русском) времена, годы юности'.

Параллельно с основами из русского языка могут функционировать (при их наличии) синонимичные формы категориально недифференцированных слов: *татын мил'ам кирпи'чный заводмы но вал. ми пичийэс' вал ай. нэнээ отын уйжа вал но, вэтлис'ком вал ми, пичи маос кэ, со кирпи'чной заводэ, кён'а кэ мон тотко най. кирпич заво́т шуис'кэ вал.* 'Здесь у нас и кирпичный завод был. Мы были еще детьми. Мама там работала. И мы, маленькие детки, в этот кирпичный завод хаживали, как еще немного припоминаю. Кирпичный завод назывался'.

Поскольку в обоих языках определенная часть имен существительных, обозначающих лиц мужского и женского пола, различается лексически [мальчик – девочка (*пи – ныл*), мужчина – женщина (*пиосмурт – кышномурт*), отец – мать (*атай – анай*)], имеются также случаи, когда под воздействием лексического значения говорящий корректирует употребляемую словоформу, подстраиваясь под требования категории рода русского языка: *одиг гинэ кэнэ ван'. кэнэ но туж стара-т'эл'ной. стара-т'эл'найа.* 'Только одна сноха у меня. Сноха очень старательной (букв.). Старательная'.

Особенность удмуртского языка в том, что имена прилагательные присоединяют падежно-числовые маркеры только при наличии указательно-выделительных суффиксов *-ез/-эз* и *-ыз, -з* [Кельмаков 2000, 28]. Имена прилагательные, заимствованные из русского языка, также трансморфологизируются и адаптируются к словоизменительным нормам удмуртского языка: *тин' со куин'эз ста-ршойосыз салдат...салдатэ вэтлил'л'амтэ. бас'тил'л'амтэ. посл'э-д'н'эйзэ, атайэз, салдатэ*

д'эв'атсот чэв'о'ртом году, йапо'нской войнайэ шэд'эмын. 'Вот эти трое, старшие, в армию (букв. в солдаты) не ходили. (Их) не взяли. А последнего, отца, в 1904-м году призвали, он попал на японскую войну'.

Еще одна особенность употребления атрибутивных единиц при именах существительных и местоимениях в том, что словоформа может заимствоваться из русского языка в той же грамматической форме, в которой она употребляется в русском языке, но затем происходит субстантивация. Система удмуртского языка, освоив подобные имена как субстантивные формы, соответствуя требованиям синтагматики, позволяет вступать в парадигматические отношения: *р'э'йсовойэ пукс'ис'ком и городэ мынком ини. отын городын трос чэркйос, кот'ку'даз мын. а таццы мынны пону'тнойосын пыдын поттэк өвёл.* 'Садимся на рейсовый (автобус) и едем в город. Там, в городе, много церквей, в любую заходи. А сюда (в ближайшую деревню) приходится идти пешком и на попутном (транспорте)'.

Таким образом, освоение заимствованных основ-прилагательных в системе удмуртского языка может происходить как путем трансморфологизации, так и с нулевой трансморфологизацией (в случае синтаксической связи примыкания).

1.1.3. Грамматическое освоение заимствованных числительных

Особенности дистрибуции заимствованных порядковых числительных аналогичны особенностям употребления имен прилагательных. Но, в отличие от имен прилагательных, в данном случае словоформа чаще всего заимствуется в той же грамматической конструкции, в какой она функционирует в структуре русского языка: *вот ми к а з м а с ы с' братмылэн свад'бааз вэтлим. в сорок с'эд'мом году-а, мар-а.* 'Вот мы ходили на свадьбу брата из Казмаски. В сорок седьмом году вроде'.

Аналогичная тенденция характерна в целом и для количественных числительных: *отын мон дышэтски, кык ар ужай, сэрэ армийэ кошки, два-тцат' два го-да мон вал ин.* Там я учился, два года проработал, потом ушел в армию, мне уже было двадцать два года; *мон, нылы, с пэтна-цэт'и л'эт кошкэмын д'эрэвн'аыс'.* 'Я, доченька, с пятнадцати лет уехала из деревни'; *срэ-дн'эй волнаын пэрэдават'тэ вал но дугдиз, уг ни. го-да три-четы-р'э уг ни вэрас'кы.* '(Удмуртское радиовещание) передавали на средних волнах, но перестали. Года три-четыре уже не передают'.

Встречаются также случаи, когда конструкция с именем числительным заимствуется без соответствующих предлогов, причем и в удмуртской речи она не восполняется соответствующими послелогами или другими средствами связи слов в предложении: *мон мамээн од'д'э'лно ули. и д'эвтна-ццат' л'эт шахтээ кошки, дышэтскыны.* 'Я жил с мамой отдельно. И [в] девятнадцать лет ушел на шахту, учиться'; *та шэст'ид'эсйа'тыйэ го-ды фотогра'фийа эишо, тожо со интыыс'эн ик.* 'Эта фотография (сделана) еще в шестидесятые годы, с того же самого места'.

Важно заметить, что даже в речи одного респондента, в одном контексте могут употребляться как исконные имена числительные, так и заимствованные формы: *до с'эд'мо-ва кла'сса удмурт кылэз дышэти, по с'эд'мой клас, о-о. т'амысэз быдти но, т'амысыс' ини вос'мой классын удмурт кылэз уг ды-шэтис'кы ни.* 'До седьмого класса изучал(а) удмуртский язык, по седьмой класс. А восьмой закончил(а), и в восьмом, восьмом классе удмуртский уже не изучал(а)'.

Таким образом, имена числительные, в зависимости от разряда, могут либо подвергаться случаю трансморфологизации, либо заимствуются с нулевой трансморфологизацией.

1.1.4. Грамматическое освоение местоимений

Среди различных разрядов местоимений наиболее частотны заимствования определительных и отрицательных местоимений, адаптирующиеся по аналогии с именами прилагательными: *но мамээ вэ'с'ак, ка'эжной нунал султэ но вёс'ас'кэ.* 'Но моя мама постоянно, каждый день встает и молится Богу'; *ка'эждой капка аз'ын одиг гинэ өвёл машиназы, кык но машинаос ини.* 'У каждых ворот уже не только одна машина, но уже и по две машины'; *школаыс' н'экакой зуч кылэз ум ва'лас'кэ вал.* 'В школе мы не знали никакого русского языка'.

В собранном материале есть также примеры, когда в заимствованной словоформе происходит семантический сдвиг. В частности, в значении определительного местоимения может функционировать словоформа *чи'сто* (в значении *все*): *цэ'нтрын со коркаос чи'сто.* 'Все эти дома [расположены] в центре'.

1.1.5. Имена существительные

В удмуртском языке, с точки зрения грамматических категорий, имена существительные характеризуются категориями падежа, числа, притяжательности [Кельмаков 2000, 23–28]. В отличие от русского языка, где представлены три субстантивных типа склонения, адъективное и смешанное склонения, в удмуртском языке выделяются лишь простое и притяжательное склонения. Именно поэтому при заимствовании из русского языка в удмуртский язык словоформы не требуют особой

трансморфологизации лишь имена существительные на *-ая, -ое, -ее, -ия, -ие, -анин (-янин)* имеют свои дистрибутивные особенности, например: рус. *столовая* > удм. *столовой*, рус. *конференция* > удм. *конференци*, рус. *армянин* > удм. *армян* и др. (см. об этом подробнее: [УКШГК 2002, 26]). Приобретая посредством аффиксальной трансморфологизации производящую основу, заимствованные субстантивные формы вступают в соответствующий парадигматический ряд: *соос раскула 'чиван'ийэ* (форма иллатива) *с'урэмын өвёл*. 'Они не попали под раскулачивание'.

1.2. Нулевая трансморфологизация

Наряду с группами слов, имеющими облигаторные механизмы освоения для вхождения в язык-реципиент, существуют классы слов, особенность которых в том, что они сразу же входят в систему согласований с исконной лексикой и в этом случае выполняют те же функции, что и аналогичные группы слов в удмуртском языке. В научной литературе в случае «совпадения морфологических категорий заимствуемого слова в языке-источнике и языке-реципиенте, и если оно переносится без приобретения аффикса (связанной морфемы) последнего», принято говорить о нулевой трансморфологизации [Бредихин, Сидоренко 2015].

В частности, без отдельных процессов грамматического освоения входят в структуру удмуртского языка служебные части речи, а также наречия и некоторые разряды местоимений (см. об этом также: [Kaysina 2015, 230–232]), возможность которых связана с тем, что они выполняют атрибутивные функции: могут присоединяться к определяемому слову с помощью примыкания, что является также основным способом связи и для наречий. Однако в данном случае следует разграничивать грамматическую нулевую трансморфологизацию и транссемантизацию, когда происходит семантический сдвиг заимствования: *аз'ло бо'л'но ук кы'лис'кы вал*. 'букв. Раньше об этом не особенно-то можно было и услышать'; *а со ко'т'майэ вала ачиз, лы'зэис'кэ но умой, чи'сто тодэ но*. 'А она сама всё еще понимает, и читает бегло, всё еще держит в памяти'.

Имеются также случаи, когда заимствуются целые фразеологические единицы или распространенные конструкции, указывающие на время, место или образ действия: *тракторын дас кык час ужа одигэз, дас кык час уин мукэтыз, но тракторйос вообщэ уг ду'гдыло вал, круглыйэ сутки соос ужало*. 'На тракторе 12 часов работает один, ночью 12 часов работает другой. Тракторы совсем не прекращали работать. Круглые сутки они работали'.

Без дополнительных маркеров заимствуются также частицы, традиционно рассматриваемые как служебные части речи, придающие отдельному слову или высказыванию в целом всевозможные дополнительные смысловые, эмоционально-экспрессивные и модальные оттенки. В отличие от предлогов и союзов, частицы грамматически не связаны ни с каким членом предложения и не выполняют никаких грамматических функций. Анализ речи респондентов позволяет сделать вывод, что русские заимствования проникают прежде всего в тех случаях, когда аналогичные удмуртские частицы обладают широким спектром семантической нагрузки, или заимствованная частица более емко и кратко отражает какой-то дополнительный оттенок: *ад'ами хара'кт'эрэн умой эт луос. л'убой на'ций мэд луос, лиш бы с'улэмыс ад'амилэн н'эбыт эт луос*. 'У человека пусть будет добрый характер. Пусть он будет любой национальности, лишь бы у него было доброе сердце'; *мил'ам пос'о'лок то вил' ай, со ал'и, вил', кон'э'ино*. 'Поселок то наш новый, новый, конечно'.

Таким образом, рассмотренные лексические единицы находятся на разных уровнях языковой адаптации. Однако все глагольные и ряд именных словоформ подвергаются облигаторному грамматическому оформлению: они получают определенный частеречный статус и свойственные ему грамматические категории.

2. Синтаксическая интерференция

Если в случае морфологической интерференции явными маркерами для исследователя становятся морфемы-заимствования, то в случае синтаксической интерференции важно заметить нарушение сочетаемости элементов языка-реципиента в речевой цепи под воздействием моделей сочетаемости языка-донора. По мнению исследователей, здесь можно выделить три типа синтаксических преобразований: а) минус-сегментация, т. е. уменьшение числа элементов в языке-реципиенте под влиянием соответствующих моделей языка-донора; б) плюс-сегментация, т. е. увеличение элементов в языке-реципиенте под влиянием дистрибутивных правил языка-донора; в) реплазация, т. е. перестановка элементов модели языка-реципиента под влиянием правил языка-донора. Последние два типа, как показывают примеры, наиболее частотны в речи носителей современного удмуртского языка. Рассмотрим каждый из них подробнее.

2.1. Репласация

И русский, и удмуртский языки в традиционной структурной (синтаксической) классификации языков относятся к номинативному типу. Принадлежность языка к номинативному типу означает, что в нем грамматический субъект (подлежащее) в структуре переходного глагольного предложения выражается формой именительного падежа; при этом, как правило, «ближайший объект» (прямое дополнение) имеет форму винительного падежа (аккузатива). Однако, если русский язык относится к типу SVO, то для литературного удмуртского языка характерен словопорядок SOV.

В результате длительных контактов русского и удмуртского языков, как показывают примеры из собранного полевого материала, в структуре удмуртского языка возникли следующие тенденции, скорее всего, под влиянием русского синтаксиса.

2.1.1. Кумулятивное отрицание

Русский язык относится к тем языкам, в котором широко представлено кумулятивное отрицание. В «Русской грамматике» приведены следующие случаи образования двойного отрицания, которое в составном глагольном сказуемом характеризуются наличием частицы *не* перед вспомогательным глаголом и перед инфинитивом (см. об этом подробнее: [РГ 1980, 411]):

1) в предложениях с отрицательными предикативами *нельзя*, *невозможно* и отрицанием перед инфинитивом: *нельзя не сказать* – «надо, необходимо сказать»; *Невозможно не сделать* – «надо обязательно сделать»;

2) при употреблении отрицания перед спрягаемой формой глагола *мочь* и перед примыкающим к этому глаголу инфинитивом: *И сердце вновь горит и любит оттого, Что не любить оно не может*;

3) в сочетаниях типа *не имеет права*, *не имеет основания*, *не в силах*, *не может* и др., занимающих позицию спрягаемой формы, и следующем за ним инфинитиве: *Он не имел права не сказать* («должен был сказать»). *Никто не имеет права не знать жизни*.

Особенности выражения категории отрицания в удмуртском языке подробно рассмотрены в монографии «Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков» М. К. Каракуловой и Б. И. Каракулова [2001, 188–197], отмечающих, что двойное отрицание для системы удмуртского языка характерно в основном при наличии деепричастий на *-тэк*: например, *вератэк уг кошки* ‘не уйду, не сказав’ или же приставки *но-*: *нокин оз вера* ‘никто не сказал’. Однако в речи респондентов есть единичные примеры, когда формы кумулятивного отрицания присутствуют даже в случаях, не типичных для удмуртского языка: *сокы мил'ам ой вал н'экинлэс' копэйка курны*. ‘Тогда у нас не было никого, у кого можно было бы попросить денег’.

2.1.2. Появились новые (нетипичные для удмуртского языка) варианты расположения слов в предложении (о синтаксической связи между компонентами словосочетаний и порядке слов в предложении, характерных для литературного удмуртского языка см.: [Каракулова, Каракулов 2001, 71–87]), в том числе:

а) перемещение предиката из конца предложения на другие позиции: *бигэрийос но валэн вэтро вал сонала-тапала трак куз'а*. ‘И татары на лошадях ездили по тракту (букв. ездили бывало по тракту туда-сюда)’;

б) инверсия подлежащего по отношению к сказуемому: *ну укс'о тыро автобуслы. укс'о тыро род'и тэл'йос*. ‘За автобус платят деньги. Деньги платят родители’;

в) постпозиция дополнения по отношению к предикативному ядру: *с'урэс вамэн лүчкэм гынэ потас'ком вал бичаны л'эм*. ‘Украдкой переходили через дорогу собирать черемуху’;

г) постпозиция атрибутивных единиц по отношению к определяющему слову: *отын, са'мой мэч аэас, шор ват'саз ик, площа тка вал бадзым*. ‘Там на самом крутом месте, прямо посередине, была площадка большая’; *отын дыдыкйос но уйин төд'ыйэс' лобало шуо*. ‘Говорят, что там и голуби по ночам белые летают’;

д) постпозиция словоформ, выражающих обладателя, по отношению к словоформе, указывающей на обладаемое: *солэс' аз'ло гожейамйосы мынам чи сто ма лайа вэ н'йа гожейамын*. ‘До этого все записи мои были отмечены как Малая Венья’.

2.2. Плюс-сегментация

2.2.1. Как уже отмечено ранее, особенность плюс-сегментации – в увеличении под влиянием дистрибутивных правил языка-донора элементов в языке-реципиенте. Как показывает собранный материал, ярким примером в данном случае являются сложноподчиненные предложения.

Под влиянием русского языка (особенно в связи с развитием письменности) в системе удмуртского языка стали активно функционировать сложноподчинительные предложения, традиционно выражаемые отглагольными конструкциями: *Мон лыктэмзэ адзи > Мон адзи, со лыктэ шуыса* 'Я увидел(а), что он(а) идет'. Как отмечают современные исследователи, «многие придаточные предложения, описанные в удмуртских грамматиках и встречающиеся в книжной (научной, публицистической) речи, в настоящее время ощущаются как искусственные, неестественные построения, которые появляются под несомненным влиянием русского языка» [Каракулова, Каракулов 2001, 87]. Более того, речь современных носителей удмуртского языка отличается еще и тем, что параллельно с удмуртскими союзами могут употребляться союзы-заимствования из русского языка (см. об этом также: [Salánki 2015, 257–258]). Наиболее частотны среди них – союзы *если, чтобы*, по-видимому, связанные:

а) со стремлением языка разграничить функциональную омонимию (так, союз *ке* 'если' в удмуртском языке употребляется для выражения и уступительного, и условного значений);

б) стремлением по аналогии с русским языком перевести причинные конструкции в разряд сложноподчиненных предложений (в удмуртском языке данное значение выражается традиционно посредством инфинитивных конструкций или отглагольных форм): *йэ'сл'и кин кэ пӧламы одик мурт гынэ зучэз ил'и бигэрэз ну... мукэт на'цийэн сурэ кэ ад'ами (...)* *пӧламы, сокы ми ван'мы зуч с'эн вэрас'кис'комы*. 'Если среди нас встречается хотя бы один русский или татарин – т. е. человек другой национальности – мы сразу же начинаем общаться между собой на русском языке'.

2.2.2. В контексте морфолого-синтаксической интерференции может и должно рассматриваться такое различие в грамматическом строе двух языков, как наличие в русском языке предлогов и в удмуртском языке – соотносимых с предлогами, но не совпадающих с ними, послелогов. В обоих языках в своих общих функционально-семантических признаках предлоги и послелоги составляют однотипный класс слов, поскольку служат для выражения определенных синтаксических отношений между знаменательными словами, обычно – для конкретизации падежных значений, выражаемых именными формами (именем существительным, местоимением). Вместе с тем, несмотря на функциональную близость русских предлогов и удмуртских послелогов и некоторое их соответствие, между ними есть и существенные различия. Немаловажно и то, что послелоги тесно связаны с именами, от которых произошли, в связи с чем они используются для выражения более конкретных значений. А в русском языке, как показывают примеры, один и тот же предлог употребляется при нескольких падежах, выбор которого не зависит от предлога и объясняется лексическим значением доминирующего компонента в словосочетании.

Собранные примеры показывают, что в речи носителей удмуртского языка имеются случаи использования предлогов русского языка вместо падежных маркеров, что также позволяет говорить о явлении плюс-сегментации: *и кык кырзанэс кырзамы б'эз р'э н'эт'и'ций, б'эз н'ичэго* (в данном случае возможно использование лишительного падежа). 'И мы спели две песни без репетиции, без ничего'; *в о т к и н с к ы н ужай. пэрэвод бас'тыса и ж ы н ужай. до а'рмии* (возможно использование предельного падежа) *со вал*. 'В Воткинске работал. Взяв перевод, работал в Ижевске. Это было до армии'.

Следует подчеркнуть, что в русском языке сфера грамматических отношений, актуализируемых предлогами, очень широка и разнообразна как выражение пространственных, временных, целевых, субъектно-объектных, причинных, сравнительных и др. отношений, то есть практически всех значений, которые могут выражаться обстоятельствами и дополнениями. В удмуртском же языке послеложные значения более конкретны, что компенсируется более сложной системой самих падежей, выражающих многие обстоятельственные отношения, для передачи которых в русском языке в дополнение к падежным формам имен используются предлоги. По-видимому, указанное различие определено влияет на выбор говорящим русского предлога как более универсальной системы.

2.3. Минус-сегментация

В рамках исследования явлений интерференции минус-сегментацию принято рассматривать как уменьшение элементов в языке-реципиенте под влиянием дистрибутивных правил языка-донора. Ярким примером является в данном случае выпадение предложно-послеложных форм, которые являются устойчивыми конструкциями в языке-доноре и легко могут быть воссозданы из контекста: *свойо врэм'а умой кырзанйосты кырзасы, тугала арын өвӧл ни умой кырзас'юос*. 'В свое время исполняли хорошие песни, в наше время уже нет хороших исполнителей'; *тан' татын аз'аз ик ван' кытын кэ, пэ р'вый про'пускэ. котором году? та'н'и, татын годэз ван'*. 'Где-то здесь, в самом начале, есть мой первый пропуск. В котором году (он выписан?). Здесь год указан'.

3. Рассмотренные выше случаи лингвистической интерференции позволяют сделать вывод о том, что результатом многолетнего контактирования удмуртского и русского языков стали не только лексические заимствования, но и освоенные грамматические явления. Отметим, что последствия интерференции отражаются прежде всего в системе речи и на сегодняшний день в меньшей степени – в системе литературного варианта удмуртского языка. Однако, как показывают собранные в ходе полевых исследований материалы, соответствующие преобразования постепенно становятся регулярными. Таким образом, под влиянием интерференции (а во многом именно в связи с ней) постепенно может произойти развитие удмуртского языка с его специфической структурой на уровне языковой системы, а не только речи.

ЛИТЕРАТУРА

Балакина Ю. В., Соснин А. В. Теоретические основы переключения кодов и функционирования заимствований с позиций контактной лингвистики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. №2. С. 5–11.

Бредихин С. Н., Сидоренко С. Г. Ноэматическая и семантическая адаптация английских заимствований в современном русском языке // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=17525> (дата обращения: 20.06.2019).

Виноградов В. А. Интерференция // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н.Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 234.

Каракулова М. К., Каракулов Б. И. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков: Учеб. пос. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2001. 227 с.

Кельмаков В. К. Удмуртский язык в типологическом и контактологическом аспекте. Ижевск: Удм. гос. ун-т, 2000. 72 с.

Макаров Л. Д. Русское население Удмуртии в период средневековья (по данным археологии) // Исторический факультет: история, современное состояние и перспективы: тез. докл. Респ. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию ист. фак. УГПИ – УдГУ / Под общ. ред. Т. Н. Ефремовой. Ижевск, 1996. С. 99–101.

РУ – Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 2. 710 с.

Трегубова Ю. А. Социолингвистический аспект интерференции при неконтактном двуязычии: на материале русского и английского языков. Дис. ... канд. филол. н. Елец, 2019. 212 с.

УКШГ – Удмурт кылын шонер гожьяськонъя кыллюкам (Шонер гожьяськон но пусьёс пуктылон правилоосын). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2002. 416 с.

ФУЯ – Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы: Сб. статей. Отв. ред. Кузнецова А. И. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 880 с.

Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. 6. С. 61–80.

Шкляев Г. К. Межэтнические отношения в Удмуртии. Опыт историко-психологического анализа: Монография. Ижевск: Удмуртский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. 213 с.

Borbély A. Kétnyelvűség. Variabilitás és változás magyarországi közösségekben. Budapest: L'Harmattan Kiadó, 2014. 333 old.

Janurik B. The emergence of gender agreement in code-switched verbal constructions in Erzya-Russian bilingual discourse Language Empires in Comparative Perspective / Stolz Ch. (Ed.). Bremen: Institut für Deutsche Sprache, 2015. 197–217 s.

Kaysina I. Grammatical effects of Russian-Udmurt language contact // Language Empires in Comparative Perspective / Stolz Ch. (Ed.). Bremen: Institut für Deutsche Sprache, 2015. 219–236 s.

Kovács M. Code-Switching and Language Shift in Australian Finnish in Comparison with Australian Hungarian. Åbo: Åbo Akademi University Press, 2001. 250 s.

Kozmács I. Az udmurt sajtónyelv egyes jellemzőiről // Elmélet és empiria a szociolingvisztikában / Kontra M., Németh M., Sinkovics B. (Ed.). Budapest: Gondolat Kiadó, 2013. 479–499 old.

MNH – Fancsaly É., Gúti E., Kontra M., Molnár L. M., Oszkó B., Siklósi B., Žagar Sz. O. A magyar nyelv Horvátországban. Budapest-Eszék: Gondolat Kiadó, 2016. 309 old.

Paulasto H., Kolehmainen L., Kumpulainen M., Meriläinen L., Riionheimo H. Interferenssi – termi tutkimussuun – tausten törmäyksessä // Virittäjä. 2014. № 3. S. 408–434.

Salánki Zs. The bilingualism of Finno-Ugric language speakers in the Volga Federal district // Language Empires in Comparative Perspective / Stolz Ch. (Ed.). Bremen: Institut für Deutsche Sprache, 2015. 237–264 s.

Salánki Zs., Kondratieva N. Interferencia és kódváltás a mai udmurt beszélt nyelvben Atöbbyelvűség dinamikája. A többnyelvűség megnyilvánulásai finnugor nyelvű közösségekben. Budapest: ELTE Bölcsészettudományi Kar, 2018. 165–206 old.

Шаланки Жужанна,
доктор филологии, доцент,
университет им. Этвёша Лоранда
1088 Венгрия, г. Будапешт, Музеум корут 4

Кондратьева Наталья Владимировна,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: nataljakondratjeva@yandex.ru

Zs. Salanki, N. V. Kondratieva

MORPHOSYNTACTIC INTERFERENCE IN THE UDMURT-RUSSIAN BILINGUALISM

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-3-380-389

The article deals with the morphosyntactic interference in the Udmurt-Russian bilingualism, which is the result of interaction between structures and structural elements of these languages throughout centuries long contacts. On the one hand, interference increases the number of the communicative functions of Udmurt; on the other hand, it narrows the distributive properties of certain linguistic phenomena with different degrees of interference in different levels as a result of interaction and mutual influence. Like in other languages, in the Udmurt-Russian bilingualism there is more interference in lexis whereas interference in grammar (morphology and syntax) is less.

The article focuses on the adaptation of the bases of notional parts of speech (verbs, nouns, adjectives, numerals) to the grammar of Udmurt and zero transmorphologization in the speech of Udmurt. In terms of syntactic interference, the following transformations are singled out: 1) minus-segmentation, i. e. the number of elements in the recipient language reduces due to the influence of corresponding models in the donor language; 2) plus-segmentation, i.e. the number of elements in the recipient language increases due to the influence of the distributive rules of the donor language; 3) replacing, i.e. the elements of the recipient language are rearranged under the influence of the rules of the donor language.

Keywords: the Udmurt language, Udmurt-Russian bilingualism, grammatical adaptation, cumulative negative form, zero transmorphologization, replacing, plus-segmentation, minus-segmentation.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2019, vol. 13, issue 3, pp. 380–389. In Russian.

REFERENCES

Balakina Yu. V., Sosnin A. V. Teoreticheskie osnovy pereklyucheniya kodov i funkcionirovaniya zaimstvovaniya s pozitsii kontaktnoi lingvistiki [Theoretical bases for code-switching and functions of borrowings from the perspectives of contact linguistics]. *Vestnik VGU. Seriya lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. [Proceedings of VGU. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2015, no. 2, pp. 5–11. In Russian.

Bredikhin S. N., Sidorenko S. G. Noematicheskaya i semanticheskaya adaptatsiya angliiskikh zaimstvovaniy v sovremennom russkom yazyke [Noematic and semantic adaptation of the borrowed English words in modern Russian]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2015, no. 1. In Russian. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=17525> (accessed 20 June 2019).

Vinogradov V. A. Interferentsiya [Interference]. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Ed. Yartseva V. N., Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990. 234 p. In Russian.

Karakulova M. K., Karakulov B. I. *Sopostavitel'naya grammatika russkogo i udmurtskogo yazykov: Uchebnoe posobie*. [Comparative grammar of Russian and Udmurt languages]. Izhevsk: Izd. dom «Udmurtskii universitet» Publ., 2001. 227 p. In Russian.

Kel'makov V. K. *Udmurtskii yazyk v tipologicheskoy i kontaktologicheskoy aspekty*. [Udmurt language: aspects of typology and language contact]. Izhevsk: Udm. gos.un-t Publ., 2000. 72 p.

Makarov L. D. Russkoe naselenie Udmurtii v period srednevekov'ya (po dannym arkhologii) [Russian population in Udmurtia during the period of medieval times (on archaeological data)]. *Istoricheskii fakul'tet: istoriya, sovremennoe sostoyaniye i perspektivy*. Resp. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 65-letiyu ist. fak. UGPI – UdGU [Faculty of History: past, present and future perspectives: Republican scientific-practical conference, dedicated to the 65th anniversary of UGPI – UdGU]. Ed. Efremova T. N. Izhevsk, 1996, pp. 99–101. In Russian.

RU – Russkaya grammatika [Russian grammar]. Moscow, Nauka Publ., 1980. Vol. 2. 710 p. In Russian.

Tregubova Yu. A. *Sotsiolingvisticheskii aspekt interferentsii pri nekontaktnom dvuyazychnom: na materiale russkogo i angliiskogo yazykov*. Dis. kand. filol. nauk. [Sociolinguistic aspects of interferences in a non-direct-contact situation: the case of Russian and English languages. Cand. filol. sci.diss.]. Yelets, 2019. 212 p. In Russian.

UKShG – *Udmurt kylyn shoner gozh"yas'kon"ya kyllukam* (Shoner gozh"yas'kon no pus"es puktylon praviloosyn) [Udmurt language orthographic dictionary (Spelling rules and graphemic rules)]. Izhevsk, UIYaL UrO RAN Publ., 2002, 416 p. In Udmurt.

FUYa – *Finno-ugorskie yazyki: Fragmentsy grammaticheskogo opisaniya. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody* [Finno-Ugric Languages: Fragments of grammatical description. Formal and functional approaches]. Ed. Kuznetsova A. I. M.: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi Publ., [Manuscript records of Ancient Russia Publ.]. 2012, 880 p. In Russian.

Haugen E. Yazykovoi kontakt [Language contact] // *Novoe v lingvistike* [Current trends in Linguistics], Moscow, 1972, no. 6, pp. 61–80. In Russian.

Shklyayev G. K. *Mezhetnicheskie otnosheniya v Udmurtii. Opyt istoriko-psikhologicheskogo analiza* [Inter-ethnic relationships in Udmurtia. Results of a historico-psychological analysis]. Izhevsk, Udmurtskii nauchno-issledovatel'skii institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN Publ., 1998. 213 p. In Russian.

Borbély A. *Kétnyelvűség. Variabilitás és változás magyarországi közösségekben.* [Bilingualism. Variability and change in speech communities of Hungary]. Budapest: L'Harmattan, 2014. 333 p. In Hungarian.

Janurik B. The emergence of gender agreement in code-switched verbal constructions in Erzya-Russian bilingual discourse. *Language Empires in Comparative Perspective*. Stolz Ch. (Ed.). Bremen: Institut für Deutsche Sprache, 2015. pp. 197–217. In English.

Kaysina I. Grammatical effects of Russian-Udmurt language contact. *Language Empires in Comparative Perspective* Stolz Ch. (Ed.). Bremen: Institut für Deutsche Sprache, 2015. pp. 219–236. In English.

Kovács M. *Code-Switching and Language Shift in Australian Finnish in Comparison with Australian Hungarian.* Åbo: Åbo Akademi University Press, 2001. 250 p. In English.

Kozmács I. Az udmurt sajtónyelv egyes jellemzőiről [Some characteristics of Udmurt language press // *Elmélet és empiria a szociolingvisztikában* [Theory and empiricism in sociolinguistics]. Kontra M., Németh M., Sinkovics B. (Ed.). Budapest: Gondolat Kiadó, 2013. pp. 479–499. In Hungarian.

MNH – Fancsaly É., Gúti E., Kontra M., Molnár L. M., Oszkó B., Siklósi B., Žagar Sz. O. *A magyar nyelv Horvátországban* [Hungarian language in Croatia]. Budapest-Eszék: Gondolat Kiadó, 2016. 309 p. In Hungarian.

Paulasto H., Kolehmainen L., Kumpulainen M., Meriläinen L., Riionheimo H. Interferenssi – termi tutkimussuuntausten törmäyksessä [Interference – term at the crossroads of disciplines]. *Virittäjä*. 2014. no. 3. pp. 408–434. In Finnish.

Salánki Zs. The bilingualism of Finno-Ugric language speakers in the Volga Federal district. *Language Empires in Comparative Perspective*. Stolz Ch. (Ed.). Bremen: Institut für Deutsche Sprache, 2015. pp. 237–264. In English.

Salánki Zs, Kondratieva N. Interferencia és kódváltás a mai udmurt beszélt nyelvben. A többnyelvűség dinamikája. [Interference and code-switching in contemporary spoken udmurt language]. *A többnyelvűség megnyilvánulásai finnugor nyelvű közösségekben.* [Multilingual practices in Finno-Ugric communities]. Budapest, ELTE Bölcsészettudományi Kar Publ., 2018. pp. 165–206. In Hungarian.

Received 19.07.2019

Salanki Zsuzsanna,

PhD, Assistant Professor,

ELTE, BTK, MNYFI, Department of Finno-Ugric Studies,

Hungary, 1088 Budapest, Múzeum körút 4

E-mail: salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu

Kondratieva Natalia Vladimirovna,

Doctor of Sciences (Philology), Professor,

Udmurt State University

Universitetskaya st., 1, Izhevsk, 426034, Russian Federation

E-mail: nataljakondratjeva@yandex.ru